Воспоминания о друге

Я стою на краю скалы
И земля под ногами как вечность,
В небесах необъятная синь,
Улетающая в бесконечность.

Я один среди суеты
В жизни серой и скоротечной.
Затерялись мои мечты
В грязном мраке судьбой беспечной.

Без обид, огорченья и зла,
Не теряя в любви наслажденья,
Жизнь свою я прожил как умел,
В жизни было мое упоенье.
Но всему должен быть предел,

Канет все в тишину забвенья:
И небес необъятная синь,
И беспечно короткой жизни мгновенья.
Сон, взлетающий в высь
Нам не удержать.
В белую пыль облаков,
превратясь.

ОЛЕГ ПАНОВ

***

Я вообще осень не люблю. Слякоть, простуды, вечные сопли у погоды и у людей. Грибы собирать тоже не люблю, но семья – это семь “я”, которые тебя переголосуют. Короче, поехал. Набродился. Промёрз. И вот едем обратно – усталые, но “довольные”. Как в советских репортажах. Электричка забита, сесть вместе не удалось. Я оказался на отшибе, хотя и у окна. Сижу, смотрю в окно. Там мелькает что-то серое, ржавое, бесконечное. И тут за спиной – голоса. Два мужика. Подвыпившие, но не буйные. Такая тихая, философская пьянь. Самая опасная, между прочим. Я их не видел. И не хотел оборачиваться. Почему-то сразу понял, что не надо. Как будто это не люди, а радио, настроенное на какой-то другой слой реальности.

Один говорит:

– Говорят, мысль нельзя посадить, как картошку. Ну, типа, не взойдёт она, если её в землю пихать. Не тот у неё формат.

Другой хмыкнул:

– А один мужик всё равно пытался. Упёртый был, что ли. Или просто сдвинутый. Как мы с тобой сейчас, брат.

Первый:

– Он себя мудрецом не называл. Да он вообще, если по правде, почти не говорил. Он… мыследал.

– Это как? – спрашивает второй.

– А вот так. Не говорил – а мыследал. Как другие дышат. Или курят. Или в окно смотрят, когда жизнь совсем не складывается.

Они помолчали. Электричка качнулась. Кто-то прошёл по вагону с пакетами, пахло мандаринами и мокрыми куртками.

Первый продолжает:

– Каждое утро, пока город ещё не успевал окончательно оглохнуть от собственных новостей, он выходил на перекрёстки. Не митинговать. Не спорить. Не объяснять, как надо жить. А просто – бросать мысли в разные стороны света. На север – одну. На юг – другую. На восток – третью. Как семечки. Только без кожуры и без гарантии, что кто-то их вообще заметит.

Второй фыркнул:

– Красиво ты загнул.

– Да подожди. Мысли у него были странные. Не все удобные. Некоторые – с корешком. А некоторые – с занозой. Такие, что вроде и маленькие, а потом неделю в голове ноют.

Я поймал себя на том, что уже не думаю о грибах. И даже о том, как у меня ноют ноги. Слушаю. Как школьник на задней парте.

– Часть мыслей, – говорит первый, – улетала прямо в самую дневную шумиху. В рекламу, в новости, в лайки, в срочные мнения экспертов. Их там тут же затаптывали каблуки заголовков и кроссовки трендов. От них оставалась только запятая в воздухе. Да и та быстро стиралась.

– Ага, – буркнул второй. – Это как мой тост на дне рождения тёщи.

Они тихо засмеялись.

– Другие мысли, – продолжает первый, – попадали в уши образованных прохожих. Красивые уши. Аккуратные. С наушниками. С подпиской на культурный канал. Там было неглубоко. Мысль прорастала быстро – и так же быстро засыхала. Её поливали вниманием, но не пониманием. Как фикус в офисе: вроде живой, а по факту – декорация.

Я почувствовал, что это уже про меня. Неприятно, но точно.

– Были ещё, – говорит он, – мысли, что падали в тени разговоров. Их душили другие мысли – быстрее, громче, моднее. Типа: «ты вообще видел, что он написал?», «да брось, это уже неактуально». Как камертон, забытый в оркестре: он там есть, он даже честно звенит – но кому сейчас нужен чистый звук, когда всем нужен ритм?

Электричка снова дёрнулась. Кто-то уронил бутылку воды. За окном пошли какие-то огни.

И тут первый понизил голос:

– А иногда… иногда мысли падали в настоящую тишину.

Второй даже не пошутил. Это было подозрительно.

– В человека, который вдруг останавливался. Прямо посреди своего маршрута. Не отвечал сразу. Не пересказывал. Не бежал делиться находкой.

Не делал сторис. Не писал «интересная мысль» в комментариях.

– И что, – тихо спрашивает второй.